

Сергею МАКОВЕЦКОМУ, актеру Театра Романа Виктюка и киноактеру, стали давать призы. Один за другим получил он престижные "Золотой Овен" и "Приз кинопрессы". Блестяще сыгранный Макаров в одноименном фильме В. Хотиненко стал просто подарком для кинокритиков, журналистов и околокиношной тусовки, Илья в новом спектакле Р. Виктюка "Рогатка" вызвал ожесточенные споры у околотеатрального "бомонда". При всем этом С. Маковецкого, признанного специалистами одним из сильнейших актеров нового поколения, широкий зритель практически не знает...

«Я не вписывался в привычные рамки...»

- Успех не свалился тебе на голову в одночасье, ты добивался его не один год. Как ты сам считаешь, тебе в основном везет в жизни?

- Пока везет. Есть актеры, которые, что бы ни сделали, у всех вызывают восхищение. У меня был период, когда я ощущал, что меня к чему-то важному не допускают. В Вахтанговском театре я то Шостаковича играл, то стоял с алебардой. Мой сын сказал мне: что ты еще должен сделать, как еще вывернуться, чтобы тебя наконец увидели? Я сказал, что не собираюсь никак выворачиваться и что колья меня не замечают, то, может быть, потому, что не могут меня вставить в какие-то привычные им рамки. Может быть, я не сыграл, грубо говоря, героя наших дней. У меня нет героя обаятельного, души такого, который понравится бабушкам, пожилым женщинам, молодым девушкам. У меня нет ни гардемаринов, ни офицеров. У меня и Гамлета нет.

- А ты умеешь предлагать себя?

- Я знаю, что многие актеры помимо актерства умеют себя вести (то ли кто-то им подсказал), знают, куда прийти, с кем выпить, с кем не выпить. Этим самым создают себе дополнительные дивиденды. Я стараюсь об этом не думать. Я люблю потусоваться, когда есть повод, премьеры, а просто так не люблю. Но, оказывается, эта профессия предполагает умение в нужный момент оказаться рядом с нужным человеком. И этим еще раз о себе заявить.

- Стало быть, ты не совсем профессионал?

- Да, эта профессия включает в себя светскую жизнь, а мне не всегда охота участвовать в ней без повода. Я понимаю, что актер везде себя предлагает. Помню, когда я учился, к нам в группу заглядывали студенты из других групп и предлагали себя. Им что-то вежливо отвечали, но когда за ними закрывалась дверь, про них тут же забывали. И для меня это был страшно больной момент - что, оказывается, никто никому не нужен.

- Теперь ты - один из ведущих актеров Теат-

ра Виктюка, которому известности не занимать. Твоего Илью из "Рогатки" просклоняли изрядно. Как ты относишься к эпатажной стороне успеха?

- Когда я сыграл в "М. Баттерфляй" Галлимара, одна студентка театрального училища написала об этой работе курсовую. Она взяла меня и Галлимара, начала соединять меня как человека и моего персонажа. Я читаю, разбираюсь, пытаюсь объяснить ей, в чем она не права. И тут она заплакала. Я спрашиваю: что случилось? Она говорит: я показывала эту работу преподавательнице, известному критику. И она мне сказала: не вмешивайся в это дерьмо! Я спрашиваю: а она смотрела этот спектакль? Она отвечает: нет, не смотрела.

Меня удивляет, что люди склонны искать в тех же "М. Баттерфляй" и "Рогатке" грязь и "запрещенные" темы. О чем, на мой взгляд, "М. Баттерфляй"? О том, что вся жизнь - ошибка. И любовь настолько велика, что человек уничтожает себя во имя этого светлого чувства, которое перевернуло всю его жизнь. И вся жизнь, как говорит мой герой, - мираж. Потому что человеку, который не стоил плевка, отдал самое дорогое, что можно отдать другому. Человек умирает во имя любви, чтобы сохранить то, что создал для себя...

Когда моя жена увидела "Рогатку", она спросила: "За что Господь так наказывает жизнь? Что мы должны мучиться, уничтожать друг друга? Что должны быть рады любому теплему слову? И желание любви настолько велико, настолько безысходно, что

мы готовы любить мужчину, женщину, животное - все равно кого?"

А в Риге зрителей зазывали на "клубничку" - она любит его, а он любит другого. А потом я видел, как зал утирал слезы - мужчины, женщины...

- Ты привык к необоснованным обвинениям? Ты научился пропускать это мимо ушей?

- Если честно сказать - не совсем привык. Я стараюсь. Даже одной женщины, которая сидит в зале и утирает слезы, - достаточно. Я могу играть только для нее.

Скандал - это что-то вроде дешевой рекламы. А ни Виктюк, ни его спектакли в этом не нуждаются.

- Ты кажешься довольно асоциальным человеком, это так? Что ты читаешь, интересуешься ли ты политикой?

- О политике, пожалуй, говорить бы не хотелось. Не люблю дико. Потому что не могу добиться правды, понять, что сейчас происходит. А узнавать правду через двадцать пять лет - поздновато.

А что касается чтения... Вот есть роман. "Мастер и Маргарита", который я все время перечитываю. Я не хваюсь этим, но я действительно не могу дочитать это произведение, все время откладываю. Вот не идет, и все. Этого нельзя не знать, пусть мне будет стыдно. Можно было бы это сделать последним вопросом: "Вы читаете книжки?" - спрашиваете вы. "Нет, не читаю". Как у Гриценко в спектакле: "Какое у вас образование?" - "Никакого".

- Ты завидуешь кому-нибудь?

- Такого определенного человека, кому я дико завидую, нет. У меня существует зависть другого плана. Какой резонанс вызывают чьи-то работы, как их воспринимают! Или когда я не понимаю, как именно сделана та или другая работа. У кого-то я понимаю, как это сделано, у кого-то - не понимаю. Тогда завидую. Но это не черная зависть. Я никому не желаю зла.

- А ты веришь в провидение, в космическую энергию?

- Верю. Верю и в Бога, и в провидение, и в темные силы. Это тот внутренний мир, который, будем считать, есть, те тайны, которые во мне существуют, и те силы, которые я иногда призываю себе на помощь. Я всегда прошу, чтобы все было хорошо. Особенно перед спектаклем...

Когда ты не призываешь что-то плохое, оно и не случается. Кто-то сказал замечательную фразу: "Если человек чего-то не имеет, значит, ему это и не очень нужно".

Лариса ВИННИК,
Владимир МАРТЫНОВ

Маковецкий Сергей

март, 94г